

Е.Е. Болдина (Москва, Россия)

Особенности интерпретации оригинальной футуристической концепции Велимиром Хлебниковым в статье «Наша основа» (1919)

Аннотация: В статье рассматриваются особенности текста «Наша основа» футуриста В. Хлебникова в сопоставлении с основными тезисами и нюансами оригинальной футуристической концепции, созданной Ф.Т. Маринетти. В результате анализа выделяются черты, которые позволяют отнести В. Хлебникова к данному литературному направлению, а также особенности его концепции, подтверждающие оригинальность и своеобразие футуризма в России.

Ключевые слова: футуризм, итальянская литература, русская литература

Е.Е. Boldina (Moscow, Russia)

Features of the Interpretation of the Original Futuristic Concept by Velimir Khlebnikov in the Article “Our Foundation”

Abstract: In the article the features of the text “Our Foundation”, written by the futurist V. Khlebnikov, are considered in comparison with the main theses and nuances of the original conception of futurism created by F.T. Marinetti. As a result of analysis, the author figures out the features which allow to attribute the creations of V. Khlebnikov to this literary trend and the differences in his conception asserting originality and distinction of futurism in Russia.

Key words: futurism, Italian literature, Russian literature

Футуризм – одно из известных и популярных авангардистских течений XX в. Родина футуризма – Италия, а точкой отсчета его существования можно считать 5 февраля 1909 г. Именно в этот день на страницах журнала «Фигаро» молодой автор символистских текстов Филиппо Томмазо Маринетти публикует «Первый манифест футуризма», изменивший итальянскую литературную традицию и обративший на себя внимание не только отечественных, но и зарубежных авангардистов. Текст шокировал читающую публику и получил признание среди молодежи и людей искусства, не только литераторов, но и, к примеру, художников, музыкантов, скульпторов. В период существования футуризма как течения увлеченные идеей итальянцы написали большое количество самых разнообразных манифестов, вплоть до «Манифеста женщины-футуристки» и «Футуристического манифеста похоти», футуристическая поэзия и проза распространилась по разным

регионам страны, была создана политическая «Футуристическая партия Италии» (естественно, программа ее была опубликована в 1918 г. также в виде манифеста).

Футуризм был популярен за рубежом, однако русский футуризм принято рассматривать как особое явление. Известен факт, что приезд Маринетти в Россию был практически проигнорирован: российские литераторы уже считали себя самобытной творческой силой, мало обязанной непосредственному творцу футуристического движения.

Однако, несмотря на различия, русский футуризм остается именно футуризмом. В своей статье нам хотелось бы установить, какие пункты футуристической программы особенно заинтересовали «будетлян», в частности Велимира Хлебникова, и как он интерпретировал их в статье 1919 г. «Наша основа».

Из существующих итальянских футуристических манифестов особую важность, как нам кажется, представляют «Первый манифест футуризма» и «Технический манифест футуристической литературы». Именно в них высказываются наиболее четко и емко основные требования к «адептам» нового движения. Так как анализ данных манифестов не является задачей работы, позволим себе обобщить высказываемые Маринетти мысли и идеи и дадим необходимую информацию о способе подачи материала.

В первом своем манифесте Ф.Т. Маринетти оперирует основными принципами и понятиями футуристического движения. Одна из основных идей – идея скорости, которая является средством для выхода из привычных пространственно-временных границ: «Нет теперь ни Времени, ни Пространства. Мы живем уже в вечности, ведь в нашем мире царит одна только скорость»¹. Для увеличения скорости создаются более современные технические средства, чем и объясняется интерес футуристов к прогрессу. Прогресс же немислим без расчетов, поэтому при написании своих текстов футуристы не боятся, к примеру, использовать математические символы и формулировать уравнения. За техническим совершенствованием на данном этапе развития стоит человек. Каким же видит футурист своего современника? В первую очередь энергичным, бесстрашным и рисковым. Жизнь должна восприниматься как борьба, бунт, освобождение из рамок старого мира. И это выражается в постоянном стремлении к разрушению всего, что имеет отношение к прошлому, – начиная музеями и заканчивая собственно книгами предшествующих ему поколений футуристов, которые должно уничтожить новое поколение. Все, что было в прошлом, перестает быть важным и значимым, мир изменяется сумасшедшими темпами, подчиняясь вечной скорости: «Мы стоим на обрыве столетий!.. Так чего же ради оглядываться назад? Ведь мы вот-вот прорубим окно прямо в таинственный мир Невозможного!»² Вместе с прошлым уходят профессии прошлого – представители интеллектуального и творческого труда считаются заразой. Цивилизации требуется вечный борец, отдающий себя без остатка делу революции, войне, он часть толпы, заряженной энергией технического прогресса и одержимой идеей бунта (уже в «Первом манифесте футуризма» высказывается идея войны как гигиены мира).

По утверждению исследователя К.В. Дудакова-Кашуро, «эстетика футуризма парадоксальным образом сочетала анархический бунт с идеализированной “разумной машиной”...»³; технологии, по мысли футуристов, играли ключевую роль в

¹ *Маринетти Ф.Т.* Первый манифест футуризма // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы. М.: Прогресс, 1986. С. 160.

² Там же.

³ *Дудаков-Кашуро К.В.* Экспериментальная поэзия в западноевропейских авангардных течениях начала XX века. Футуризм и дадаизм. Одесса: Астропринт, 2003. С. 13.

развитии цивилизации будущего, важной для футуризма становилась идея грядущей трансформации мира и человека в нем.

Соответственно, строя новое общество, логично ориентировать его на новые идеалы и на новые способы подачи информации. Так возникает реформация художественного текста, идеи которой предложены в «Техническом манифесте футуристической литературы» (1912). Маринетти предлагает упразднить пунктуацию и синтаксис, существительные ставить «как попало»¹, глаголы употреблять в неопределенной форме, призывает не использовать прилагательные и наречия. Особую выразительность существительным в столь кристаллизованных условиях придает предлагаемый Маринетти богатый интуитивно осознаваемый ассоциативный ряд «различной ширины охвата»². Выдвигается тезис о беспроволочном воображении, хаотичном сплетении разноплановых образов, не понимаемых разумом, но познаваемых интуитивно. Однако футурист признает, что, создавая текст по вышеперечисленным правилам, «надо пожертвовать пониманием читателя»³.

Стоит отметить композиционное своеобразие манифестов. Непосредственно пункты манифеста предваряются художественным фрагментом, чтобы привлечь внимание к заявленной программе и сделать ее более живой и захватывающей для потенциального читателя. В то же время авторы «Истории литературы Италии» отмечают, что «Первый манифест футуризма» построен в формате призывающих к действию пропагандистских материалов со знанием риторических приемов. «Все говорит о том, что автор Манифеста умело построил его как пропагандистский документ, способный поразить и дойти до сознания самого широкого читателя с самыми различными вкусами»⁴.

Реакция русских футуристов выразилась в первом российском футуристическом сборнике «Пощечина общественному вкусу» (1912), в котором уже чувствуется различие интенций. Мы обратим свое внимание на вступительную статью к сборнику – первый манифест русских футуристов.

Несмотря на установку на молодой бунтарский дух, обесценивание современников и разрушение культурного (а в частности, литературного) прошлого, свойственных и итальянским единомышленникам, намного более серьезный упор русские футуристы сделали на реформировании ненавистного им существовавшего до них языка, на лексическое его наполнение «словами-новшествами»: «И если пока еще и в наших строках остались грязные клейма Ваших “Здравого смысла” и “хорошего вкуса”, то все же на них уже трепещут впервые зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценного (самовитого) Слова»⁵.

Изучением и разработкой нового футуристического языка с увлечением занимался Велимир Хлебников. Обратим внимание, насколько глубоко проработана эта тема в статье «Наша основа».

Словотворчество по Хлебникову не хаотично, но осознаваемо, закономерно. Он кропотливо выводит общий знаменатель для мало похожих внешне слов и понятий: «...взять два слова *ладья* и *ладонь*. Звездное, выступающее при свете сумерек, значение этого слова: расширенная поверхность, в которую опирается путь силы, как

¹ *Маринетти Ф.Т.* Технический манифест футуристической литературы // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы. М.: Прогресс, 1986. С. 163.

² Там же. С. 164.

³ Там же. С. 167.

⁴ История литературы Италии. Т.4. Кн. 1: От классицизма к футуризму. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 610.

⁵ *Бурлюк Д., Бурлюк Н. и др.* Пощечина общественному вкусу. М.: Издатель Г.Л. Кузьмина, 1912. С. 1.

копье, ударившее в латы»¹. Такие слова, как ладья и ладонь, по Хлебникову, бытовые, значение которых в обществе воспринимают настолько буквально, что представляется невозможным за буквальностью разглядеть эту призрачную аналогию.

Итак, получается, что, создавая новые слова, Хлебников предлагает ориентироваться на раскрытие этих глубинных смыслов, позволять языку играть с категориями, обогащаясь новыми значениями: «Если мы имеем пару таких слов, как *двор* и *твор*, и знаем о слове *дворяне*, мы можем построить слово *творяне* – творцы жизни. Или, если мы знаем слово *землероб*, мы можем создать слово *временахарь*, *временароб*, т. е. назвать прямым словом людей, так же возделывающих свое время, как земледelec свою почву... Именам рек *Днепр* и *Днестр* – поток с порогами и быстрый поток – можем построить *Мнепр* и *Мнестр*... быстро струящийся дух личного сознания и струящийся через преграды “пр”; красивое слово *Гнестр* – быстрая гибель; или *волестр*: народный *волестр* – или *огнепр* и *огнестр*, *Снепр* и *Снестр* – от сна, сниться...» (171). Сотворенные таким образом слова осознаются по аналогии с другими, знакомыми словами, что запускает цепочку ассоциаций (что не чуждо идеям футуризма об интуитивно понимаемых ассоциативных рядах). Однако в своих исследованиях, которые на протяжении текста подкрепляются математическими формулами, скрупулезным научным анализом и теоретическими предположениями, Хлебников продолжает как бы движение в сторону языкового микрокосма – зауми. Высказывается следующее положение. Внутри каждого звука заложено определенное значение: «Если собрать слова на *Ч*: чулок, чеботы, черевики, чувяк, чуни, чуп<а>ки, чехол и чаша, чара, чан, челнок, череп, чахотка, чучело, – то видим, что все эти слова встречаются в точке следующего образа. Будет ли это чулок или чаша, в обоих случаях объем одного тела (ноги или воды) пополюняет пустоту другого тела, служащего ему поверхностью... Таким образом *Ч* есть не только звук, *Ч* – есть имя, неделимое тело языка» (174). Таким образом, составление новых слов из этих звуков-носителей особенного смысла становится не только возможно, но и не случайно, интуитивно воспринимаемо. (Вспомним тезис Маринетти о готовности к тому, что люди не поймут текст, т. е. о его потенциальной непознаваемости для современников даже при помощи интуиции.) Язык, по мнению Хлебникова, похож на игру в куклы: как дети наделяют комок тряпок чертами, необходимыми для конкретной игры, так и слова – звуковые конструкторы – наделяются в определенном обществе конкретным значением. Совокупность слов, которые собраны из ранее не принятых в обществе звуковых комплексов, еще не имеющих определенного смысла, но обозначающих «что-то неуловимое, но все-таки существующее» (173), получила название «заумного языка», находящегося «за пределами разума» (174). Это язык заклинаний, заговоров, особого пространства, не поддающегося логическому осмыслению. Однако именно это и интересует Хлебникова: как настоящий ученый-исследователь, он пытается осознать заумь, найти закономерности, разложить язык на субъединицы, «атомы», единые и для других языков, дабы сконструировать впоследствии язык, способный объединить людей по всему миру.

Помимо идеи мирового языка, Велимира Хлебникова интересуют закономерности исторического развития. Он объединяет понятие музыки (гамма) и математики (число) и рассчитывает гармоничные, с его точки зрения, периоды развития

¹ Хлебников В. Наша основа // Хлебников В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. Кн. 1: Статьи (наброски). Ученые труды. Воззвания. Открытые письма. Выступления. 1904–1922. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 168–169. Далее цитируется по этому изданию. Страницы указываются в тексте.

человека и цивилизации. Согласно этой концепции по схожим законам рассчитываются удары сердца, шаги марша, количество мышц, годы войн, рождение великих людей, связанных между собой как геометрические лучи. Производимые Хлебниковым вычисления и выводимые законы универсальны и взаимосвязаны, объединены общей идеей Гаммы Будетлянина, представленного в виде молодого человека, играющего на струнном музыкальном инструменте: «...Звучание одной струны вызывает сдвиги человечества через 317. Звучание другой – шаги и удары сердца, третья – главная ось звукового мира. Перед вами будетлянин со своей “балалайкой”. На ней прикованный к струнам трепещет призрак человечества. А будетлянин играет, и ему кажется, что вражду стран можно заменить ворожкой струн» (177). Таким необычным образом футурист как бы становится над человечеством и историей, имеет власть управлять ими. В отличие от концепции Маринетти он не только часть нового мира, но и одновременно индивидуальность, стоящая над обществом. Понимание этих вычислений избавляет футуристов от страха смерти, позволяет смотреть на нее «как на временное купание в волнах небытия» (179), а также дает новое понимание времени как задачи «деления при свете земной обстановки» (180), т. е. выводит время в некую числовую абстракцию, когда разные точки на ленте времени связываются через деление на определенное число без остатка. (Вспомним идею Маринетти о концепте Скорости, помогающем преодолеть время и, соответственно, смерть.) Таким образом, идеи Хлебникова касательно своих творческих современников таковы: раздвоившись, одновременно существовать в определенной временной точке и осмыслять с точки зрения ученого свое в ней нахождение относительно иных вычислительных процессов; осознавать, что человечество едино и все люди, государства и народы закономерно взаимосвязаны; учиться понимать некое высшее начало, выраженное в воле звезд, и для достижения этих целей необходимо освоить Гамму Будетлянина, соединяющего человека и Вселенную.

Таким образом, можно говорить о том, что русский и итальянский футуризм отличаются как в понимании целей и задач футуристов, так и в интерпретации фундаментальных футуристических концептов. Однако и говорить о полной противоположности их идей не представляется правильным.

В «Нашей основе», так же как и в оригинальной итальянской концепции, есть установка на интуитивное понимание и ассоциативное мышление читателей, стремление к преодолению привычных координат пространства и времени и осознанию себя частью новой реальности вселенского масштаба, активное использование прогрессивных идей технического плана для достижения этой цели. Так же, как и в итальянском футуризме, предполагается изменение языка, преобразование человека и общества. Однако способы реализации программы формулируются по-разному. Хлебников, в отличие от Маринетти, противника апелляции к истории, уделяет в своей работе большое внимание закономерностям исторического развития, предполагая, что знание этих закономерностей даст возможность предвидеть определенные события и преодолевать их власть над личностью. Хлебниковым высказывается идея объединения людей посредством языка, а идея разрушения и войны отсутствует в аспекте, присущем итальянцам: речь идет не о гигиене мира, а о закономерности хода истории. Особое место в статье отводится языку. Это и объединяющее начало, и интуитивно познаваемый конструкт, и инструмент для творчества, игры, и предмет тщательного изучения. В «Нашей основе» язык, в особенности заумный, становится одновременно и объектом по-

знания, и инструментом, создавая многоплановое пространство исследования. Посредством языка происходит как осмысление существующей реальности, так и конструирование субъективной. И этим объясняется не совсем обычный для футуризма способ подачи: текст воспринимается не как пропагандистский манифест, но как научная работа, статья-размышление, подкрепленная расчетами и логическими умозаключениями. И наблюдать за такой оригинальной интерпретацией футуристических идей чрезвычайно интересно.

ЛИТЕРАТУРА

Маринетти Ф.Т. Первый манифест футуризма. Технический манифест футуристической литературы // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы. М.: Прогресс, 1986. С. 158–168.

Хлебников В. Наша основа // Хлебников В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. Кн. 1: Статьи (наброски). Ученые труды. Воззвания. Открытые письма. Выступления. 1904–1922. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 167–180.

Пощечина общественному вкусу / Д. Бурлюк, Н. Бурлюк, А. Крученых, В. Кандинский, Б. Лившиц, В. Маяковский, В. Хлебников: [стихи, проза, статьи]. М.: Издатель Г.Л. Кузьмин, [1913]. 112, [1] с.

Дудаков-Кашуро К.В. Экспериментальная поэзия в западноевропейских авангардных течениях начала XX века: (футуризм и дадаизм) / Моск. гос. ун-т имени М.В. Ломоносова; фак. иностр. яз., каф. сравн. изучения лит. и культур. Одесса: Астропринт, 2003. 125 с.

История литературы Италии = Storia della letteratura Italiana: [монография] / Редкол.: М.Л. Андреев (гл. ред.) [и др.]; Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. имени А.М. Горького. Т. 4. Кн. 1: От классицизма к футуризму. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2016. 751 с.

REFERENCES

Marinetti F.T. The First Manifesto of Futurism. Technical Manifesto of Futurist Literature. In: Call a Spade a Spade: Program Presentations by Masters of Western European Literature. Moscow. Progress Publ. 1986, pp. 158–168.

Khlebnikov V. Our Foudation. In: Khlebnikov V. Collected Works: In 6 vols. Vol. 6. Book 1: Articles (outlines). Scientific works. Appeals. Open letters. Presentations. 1904–1922. Moscow. A.M. Gorky Institut of World Literature, RAS. 2005, pp. 167–180.

A Slap in the Face of Public Taste / D. Burluyuk, N. Burluyuk, A. Kruchenykh, V. Kandinsky, B. Livshits, V. Mayakovsky, V. Khlebnikov: [poetry, prose, articles]. Moscow. Publisher G.L. Kuzmin. [1913]. 112, [1] p.

Dudakov-Kashuro K.V. (2003) Experimental Poetry in the Western European Avant-garde Movements of the early twentieth century: (Futurism and Dadaism). Odessa. Astoprint Publ. 2003. 125 p.

History of Italian Literature = Storia della letteratura Italiana: [monograph] / M.L. Andreev (chief ed.) [et al.]; A.M. Gorky Institut of World Literature, RAS. Vol. 4. Book 1: From Classicism to Futurism. Moscow. 2016. 751 p.

Сведения об авторе:

Елизавета Евгеньевна Болдина,
студент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elizaveta E. Boldina,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

liz_bold@mail.ru